

Р. ХИГЕРОВИЧ

Художник
Г. СОЯШНИКОВ

ГРИГОРИЙ КОТОВСКИЙ

A painting of a vast, sandy landscape. In the upper left, a large group of people and animals, possibly a caravan or herd, is moving across the dunes. In the upper right, a small settlement with several buildings is visible on a slight rise. The foreground is dominated by the texture of the sand, with some sparse, dry vegetation at the bottom. The overall tone is warm and desaturated, typical of a desert environment.

Это короткий рассказ о человеке великолепного мужества и красивой души, о человеке, мечтавшем возделывать землю и ставшем выдающимся полководцем.

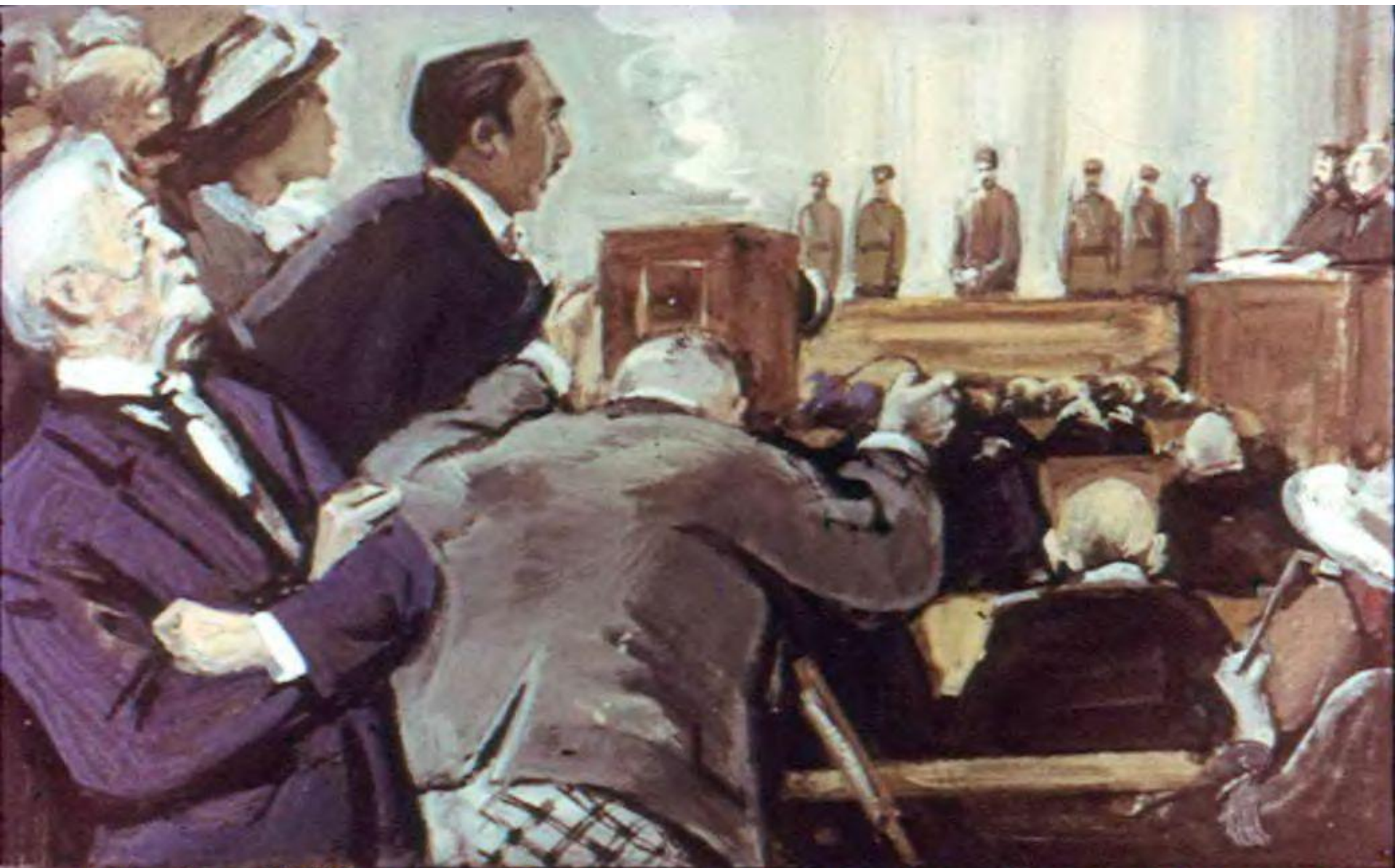
Весной 1920 года прославленная кавалерийская бригада
Нотовского ворвалась в занятую белыми Одессу.

Комбриг придержал коня у здания на Приморском бульваре. Рядом цокнула пуля. Одна... другая. — „Как бы не зацепило, товарищ комбриг“, — осторожно сказал ординарец. □

Нотовский молча смотрел на здание с полукруглым фасадом. Три с половиной года назад здесь его приговорили к смертной казни. Отчетливо возникла картина...

...Ноябрь 1916 года. Под усиленным конвоем в помещение Военно-окружного суда вводят человека в наручниках. Суетятся репортёры, вспыхивает магний.

— Перед вами, господа, опаснейший и закоренелый преступник. Он — угроза обществу, — патетически восклицает прокурор. — Требую смертной казни!

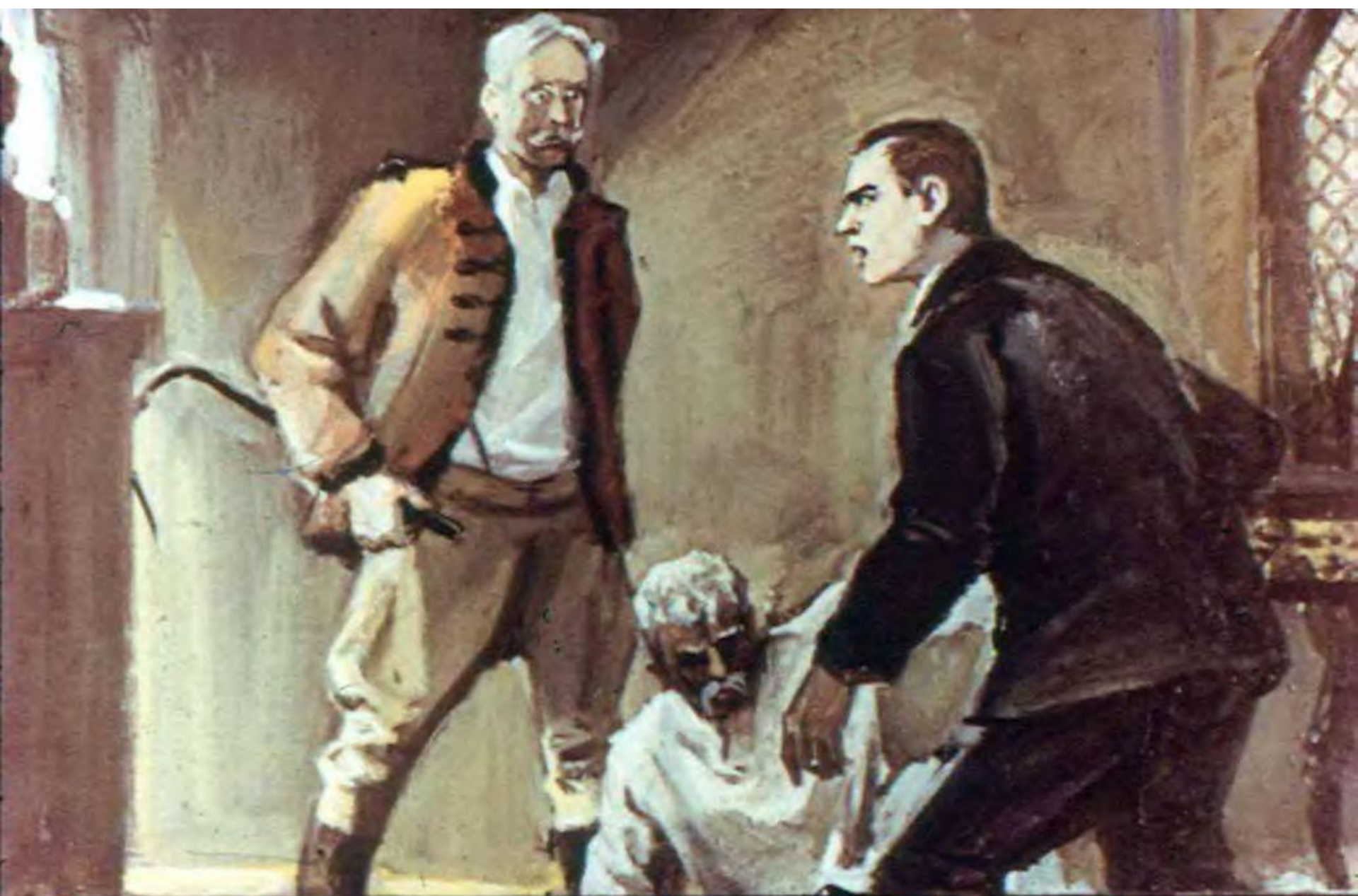
Потом заключение в одиночной камере: 45 дней и ночей в ожидании исполнения приговора. Было время подумать о главном, пережить вторично уже прожитое. 8

Вот он, девятнадцатилетний юноша, хмурым декабрьским днём 1900 года шагает по родной бессарабской земле. Окончена сельскохозяйственная школа, впереди – счастье любимого дела.

Он поступил агрономом в имение помещика Скоповского. Но счастье не пришло... Да и могло ли оно прийти, когда кругом горе, нищета, безудержная эксплуатация.

Однажды он не выдержал. — „Как вы смеее так обращаться с людьми?!“ — крикнул он помещику.

Задохнувшись от бешенства, помещик ударил молодого агронома хлыстом.

Нотовский схватил помещика, поднял его над головой и выбросил в окно. — „Помогите!“ — закричал тот пронзительным голосом.

Слуги навалились на Нотовского – засвистели плётки. – „Связать мерзавца, вывезти в степь и кинуть!“ – яростно хрипел помещик.

15

Глухая степь. Тишина и тоскливый волчий вой в ночи. Нечеловеческим усилием железных мускулов Нотовский разорвал путы.

Полураздетый, он брёл по степи. Чуть поодаль двигались красноватые огоньки—волчья стая... В ту ночь человек самой мирной профессии на свете дал клятву стать народным мстителем.

Наступил 1905 год – год первой русской революции. Из губернии в губернию царской России натилась волна крестьянских восстаний. По Бессарабии шла слава о таинственном крестьянском отряде. О нём складывали легенды.

Налетая, как вихрь, на усадьбы, отряд не жёг, не грабил. Раздавался приказ: „Долговые расписки ваших рабов – на стол!“

„Гроза богачей“ – так величали газеты начальника таинственного отряда. Шёпотом, потом всё громче и громче называли его имя: Нотовский!

Однажды в доме известного своей жестокостью и богатством помещика играли в карты. Зашла речь о Котовском. — „Пусть только сунется, — сказал хозяин. — У меня под столом сигнализация. Нажал ногой -и...“

– Ноги вверх! – раздалась необычная команда. – Я – Нотовский.

И снова мчится Хотовский. А ветер разносит по степи клочки бедняцких долговых расписок.

Лучшие силы полиции были брошены на поиски Хотовского.
Поймать его удалось приставу Хаджи-Ноли.

Тюрьма. Железо и камень, камень и железо. Убежать, во что бы то ни стало убежать! Но как? Родился план, дерзкий до безумия. Нотовский поделился им с заключенными.

На прогулке обезоружены и связаны надзиратели. Одна за другой открываются камеры... Заключенные бурным потоком хлынули через ворота на волю!

Властям всё же удалось ликвидировать бунт. И опять одиночная намера на верхнем этаже тюремной башни. Как друзьям удалось переправить заключённому всё необходимое для нового побега, как удалось усыпить надзирателя...

Долго рассказывать! Нотовский уже спускается с башни...

В пограничные пункты юга России полетели тревожные телеграммы. Бросился по следу Хаджи-Ноли. После двадцатитрёхдневной погони удалось окружить дом, где скрывался Нотовский.

Двадцать лет наторжного режима! Только не сдаваться. Не дать ослабеть воле и мускулам... Тюрьмы и этапы. Суровое Забайкалье. Шахта, окружённая рвом. А за рвом – тайга. Без конца и края. Бежать?!

Четырнадцать суток шёл он тайгой. Одиночество. Голод. Дикие звери. Но вот полоска железной дороги. Люди!..

И пополз по Бессарабии слух: „Григорий Иванович вернулся“. Полицейские, заглядывая в фотографию, хватали на улицах подозрительных мужчин высокого роста.

Хаджи-Ноли опять попал на верный след. Переодетые косарями полицейские набросились на Котовского, скрывавшегося под именем агронома Ромашкина.

Он распознал засаду. Только поздно!.. Трудно человеку сражаться в одиночку.

И вот приговор одесского суда: повесить!

Но приговор свершить не успели. Революция смела старый строй. Солдат, красногвардеец, партизан, коммунист и командир Красной Армии Котовский сражается за молодую республику Советов.

Бегут разбитые деникинцы. Сотни пленных. Мелькнуло зна-
комое лицо.

— Ба, Хаджи-Ноли!.. — Да, тот самый полицейский пристав. —
Встаньте, Хаджи-Ноли. В революционной борьбе нет личной
мести. Вас будут судить, как всех.

Снадут конники Нотовского, рубятся насмерть на полях сражений от Чёрного моря до Балтики.

Но иногда замечают бойцы, как сорвёт невзначай комбриг
былинку, долго разминает её пальцами, а потом окинет горь-
ким взглядом заброшенные нивы...

Впереди Хотовского шла его слава – слава грозы белополянов, победителя атаманов Петлюры и Антонова. Не принимая боя, укрылись в тамбовские леса полки атамана Матюхина.

Как же уничтожить Матюхина? Котовский отдал неожиданный приказ. Бойцы вооружились иголками, нитками, полосками красной материи...

...и бригада Хотовского исчезла! Появились казани: одни с красными лампасами донцов, другие – в смушковых кубанках. Появились сотники, есаулы.

Во главе сводного „Нубано-Донецкого отряда“ стоял „атаман Фролов“. — „Товарищи, — обратился „атаман“ к выстроившимся „сотням“, — кому дорога революция и честь красного бойца, тот должен строго хранить тайну...“

44

„Фролов“ пригласил Матюхина на совещание. Атаман Матюхин сам не приехал, прислал своих подручных. Бандиты внимательно приглядывались к „фроловцам“. Бойцы исправно выдерживали маскаррад: ругали Советы, горланили пьяные песни.

Нотовский потихоньку приказал никого не выпускать из села и направил к Матюхину „есаула Захарова“ в сопровождении „назана“.

Номиссар 2-го навполка Захаров удачно выполнил задание. Матюхин поверил и прибыл вместе с командным составом банды на совещание.

„Совещание“ проходило, как положено всякому совещанию. Но завершилось оно необычно: „Довольно ломать комедию! Я – Котовский!“

48

Окончилась гражданская война... В кавалерийский корпус Нотовского пришло новое пополнение учиться науке побеждать. А ветераны-нотовцы? Неужто разойдутся пути командира и его боевых товарищей?

И задумал комкор ещё одно дело. В селе Обводовна, недалеко от Тульчина, где некогда жил денабрист Пестель, организовал Хотовский сельскохозяйственную коммуну из демобилизованных бойцов. — „Стране нужны свои, красные, агрономы!“

Предательский выстрел из-за угла оборвал яркую и талантливую жизнь Котовского.

Но сбылась мечта этого замечательного человека. Там, где гремели бои, — на земле, щедро политой кровью героев, — колосятся, шумят колхозные хлеба...